

Стояла холодная ночь. Большая белая луна сияла на бархатном синем небе. Её свет заливал узкие улочки величественных Афин. Темноволосый юноша бежал по этим улочкам, полы хитона бились о колени, а кожаные сапоги - эндромиды - скрипели при беге. В Элладе наступила зима - воздух стал влажным, дышалось с трудом. Он боялся, что кто-нибудь заметит его. Но плащ, скрывавший лицо, помогал юноше остаться неузнанным.

Едва он вернулся домой после очередного занятия у мастера по скульптуре и рисунку, как сразу увидел, что отец в ярости. Он ходил из стороны в сторону по просторной зале для приёма гостей и поглядывал на входную дверь, в ожидании сына.

Потупив взгляд и нервно сцепив руки за спиной, юноша медленно вошёл в залу. Рассерженный отец увидел его, воздел руки к небесам и воскликнул.

- А вот и он! О боги, за что вы меня так наказали, послали мне такого бестолкового сына! Разве мало жертвовал я храму Аполлона?! При рождении мы дали тебе имя великого

поэта из Кирены, молили богов,
одарить тебя великими
способностями. А ты? Я вложил в тебя
столько золота, что позавидовали бы
даже сыны архонтов. И что я получаю
взамен?!

В комнату, мягко ступая, зашла мать:

- Дорогой, зачем ты кричишь на нашего
сына да так, что слышно на весь дом?

- Когда я возвращался с вершины
Акрополя, где принёс жертву богам,
встретил его учителя, но пусть он
сам тебе всё и расскажет.

Юноша молчал - в горле стоял ком, а из
глаз вот-вот могли брызнуть слёзы.
Отец итак недоволен. Не стоит его
ещё больше злить своей слабостью.

- Говори же, - обратилась к нему мать.

- Сегодня на уроке мы работали с
деревом, - собравшись с силами, начал
он. - Клянусь богами Олимпа! Я очень
старался! Но вырезать из дерева у
меня всё равно получалось плохо...

- Это ещё не всё. Сын, покажи матери руку, - велел он и встал рядом с женой.

Юноша побледнел, снял с руки платок с пятнами крови и показал ладонь. Между большим и указательным пальцем краснела глубокая царапина.

- Посмотри, он умудрился поранить себя так сильно, что, по словам учителя, не смог работать с деревом и закончить форму.

Женщина глубоко вздохнула, и юноша сразу понял - мать разочарована не меньше, чем отец. Она подошла к нему и взяла за пораненную руку:

- Да, сынок... - она задумалась, рассматривая его ладонь. - За восемнадцать лет ты так и не проявил ни одного таланта. Мы оплачивали тебе лучших учителей поэзии и арифметики, музыки и военного дела. Тогда ты говорил, что не преуспеваешь, потому что тебе не по душе ни одно из этих занятий.

Её перебил отец:

- И ты сказал нам, что хочешь попробовать себя в скульптуре. Но и здесь ты ничтожен, - он выхватил его ладонь из рук матери. - Отрубить бы тебе эти нерадивые руки, может тогда ты начнёшь ценить то, что мы тебе даём! - сказал отец и вышел из комнаты.

Глаза юноши зашипало. Предательские слёзы побежали по щекам. Он знал, что не виноват в том, что родился бездарным. Но родителей было не переубедить. Мать безучастно взглянула на сына:

- Не лей пустых слёз. И приготовься к завтрашнему дню - рано утром тебе идти на занятия, - проговорила она и вышла следом за отцом.

Вечер прохладным покрывалом накрыл дом. Юноша остался один. От собственного бессилия опустил на глиняный пол и дал волю слезам. Он уже и не помнил, когда в последний раз до этого плакал. Вдруг он услышал знакомый отрывистый звук и увидел, как над домом пролетела

большая белая птица. Это была сова,
вестница богини Афины.

Юноша сию же минуту вскочил с пола.
Быстро накинул плащи, бесшумно
проскользнув мимо задремавшего
охранника, рванул на улицу через
заднюю калитку домашнего сада.

Он бежал к храму и думал о том, что
больше не может этого терпеть - он
был худшим! Ис каждым днем
проведённым в мастерской учителя,
убеждался, что таким и останется.
Ведь сколько бы часов он ни провёл с
глиной, деревом, бронзой или
мрамором, его скульптуры не
становились оригинальнее. Потому
что ни чистая эллинская кровь, ни
богатство его семьи не могли
прибавить главного - таланта. Но
после очередной ссоры с родителями
он понял, что у него есть последний
шанс исправиться. Поэтому несмотря
ни на что продолжал держать путь в
верхний город.

Парфенон отчётливо виднелся в свете
луны. Высокая лестница вела к
симметричному зданию,
величественные колонны которого
поддерживали двускатную крышу. На

фронтоне изображалось рождение Афины, свидетелями которого были олимпийские боги. Юноша с трепетом взглянул на хорошо знакомый сюжет. Засуетился. Конечно, ему полагалось остаться снаружи и подойти к алтарю. Но молитвы у алтаря не давали никакого эффекта. Поэтому он быстро поднялся по лестнице и скользнул внутрь храма.

Юноша скинул капюшон. Глаза не сразу привыкли к темноте. Он прищурился: по обе стороны стройными рядами стояли колонны. С конца помещения на него строго взирала статуя богини Афины - покровительницы города. Он разжёг благовония и тонкие струйки дыма потянулись вверх, к высоким потолкам.

- О совоокая дева Афина Паллада! - он вскинул руки в горячей молитве и взглянул на статую в конце храма. Ему казалось, что мраморные глаза смотрят прямо на него. - Услышь мольбу простого смертного, прошу тебя милостивая богиня искусств и ремёсел. Спустишься со священного Олимпа и одари меня способностью творить. Творить, как никто из когда-либо живших... Я хочу стать великим!

Великим Скульптором! - молил он
дрожащим голосом.

По холодному полу пополз сизый
туман. Свет луны набрал силу - в
храме посветлело. Поглощённый
молитвой юноша не замечал
происходящих перемен.

Дым он благовоний добрался до
статуи Афины и поднялся до гордой
головы богини. Глубокий вдох и
мраморные веки сомкнулись. Лёгкий
порыв ветра шелохнул изысканное
золотое одеяние. На белоснежном
мраморном лице растянулась паутина
из множества трещин. Губы
раскрылись. На месте сгиба локтя
также побежали мелкие трещинки - это
поднималась громадная мраморная
рука. Изящные пальцы взяли за
ткань - и толстый слой золота
послушно смялся во множество
тканевых складок.

- Богиня услышала меня, мрамор
оживает! - воскликнул юноша.

Афина спустилась с пьедестала. Её
голос был низким и грозным:

- Твоя мольба достигла самого Олимпа. Зачем ты потревожил меня, юноец? Ты так страстно молился, должно быть желаешь чего-то особенного?

Юноша смотрел на статую и думал: вот если бы его скульптуры могли оживать. Он страха и восторга его била крупная дрожь, ноги едва держали.

Афина склонила голову и впилась сияющими глазами в его лицо, словно читая по нему все тайные мысли юноши:

- Я готова ответить на твои молитвы. Ты действительно искренен и достаточно силен. Однако есть условия: тебе придётся отдать что-то взамен. Я считаю, что достойной жертвой станет твоё имя. Все твои друзья и родные забудут, как тебя зовут, а взамен я награжу тебя всем тем, что нужно творцу - мудростью, силой, вдохновением. Ты в совершенстве овладеешь ремеслом скульптора. Твои творения будут как живые.

- Значит ли это, что они смогут ходить и говорить? - спросил он.

- В тебе появится частица божественной силы. Я ещё не знаю, чем это может закончиться. Но помни! Чтобы ты не кичился своим именем и не поддавался гордыне. Чтобы ты не забыл нас, богов. Ведь мы даём тебе талант. Если хоть кто-то из живых людей узнает твоё имя, то ты лишишься моего дара. Таков мой уговор. Согласен ли ты?

По его щеке стекла слеза. Он не мог даже мечтать о большем.

- Да! Я согласен...

От тумана, который будто покрывало застелил храм, у юноши закружилась голова. Глаза стали слипаться, и он сам не заметил, как погрузился в глубокий сон. Очнулся уже на рассвете, лежащим на холодном каменном полу. Мышцы затекли, да и всё тело отзывалось ноющей болью после прошедшей ночи. И юноша всё никак не мог понять главного: сон это был или явь. Действительно ли к

нему спустилась богиня, и исполнила его сокровенное желание?

Занимался рассвет. Над Элладой
взошло тусклое зимнее солнце. Его
света не хватало для того, чтобы
очертания домов стали чёткими.
Юноша торопился домой из храма. Он
собрался раньше обычного и
ускользнул на занятия.

Он пришёл первым. Постепенно стали
приходить и другие ученики. Они не
здоровались с ним по имени, как это
бывало раньше. Да и какая разница? Он
хотел уже поскорее взяться за
работу, чтобы проверить свои
способности. Наконец появился
учитель:

- Доброе утро, дорогие ученики!
Сегодня мы с вами начнём работу над
новой деревянной статуэткой. Это
будет дятел.

- Учитель, а когда мы наконец
приступим к скульптуре человека? - с
нетерпением спросил юноша. Учитель

с непониманием взглянул на него,
нахмурившись:

- Как же тебя... - прошептал он, но
бросил попытки вспомнить имя. -
Сначала вам нужно научиться
высекать простые формы: птиц,
зверей. А потом уже думать о чём-то
хотя бы близко похожем на человека.
А именно тебе вообще рано даже
говорить о статуях людей!

Остальные ученики рассмеялись, но
учитель пресёк их насмешки.

- У тебя впереди ещё много работы.
Начни хотя бы с дятла.

Юноша расстроился, но перечить не
стал. Парни достали инструменты и
начали вырезать, строго следуя
указаниям учителя. Но будущий
творец вполуха слушал объяснения -
его руки в мгновение ока обрели
непривычную уверенность. За одно
занятие он успел завершить работу,
пока остальные сделали лишь первые
шаги. Дятел получился не идеальным,
а от торопливой работы юноша
поранил пальцы, но он смог
впечатлитель мастера:

- Как быстро ты управился!
Посмотрите, все! На следующем
занятии я жду от вас такого же
результата.

Юноша сиял от счастья. Другие
ученики были восхищены статуэткой,
хотя раньше они зло пошучивали над
его работами. После занятий он
подхватил деревянного дятла и
отправился домой.

Придя домой, он забежал в свою
комнату и поставил статуэтку на
стол. Юноша захотел её немного
доработать и покрасить.

К нему зашла мать. Её глаза
округлились, когда она увидела
деревянную фигурку.

- Сынок, какая восхитительная
работа, неужели это ты сделал? - её
удивлению не было предела.

- Да, матушка. У меня наконец-то
получилось!

- Надо же, - она улыбнулась, глядя на статуэтку. - Думаю, отец очень обрадуется твоим успехам, - с гордостью сказала она и оставила сына наедине с его работой.

Вечером перед ним стоял пусть немного неказистый, но дятел. Юноша был впечатлён деревянной птичкой - она была как живая.

- Красивая птица, - довольный своей работой прошептал он. - Назову тебя Пули́. А знаешь, как меня зовут?..

Он еле слышно прошептал игрушечной птице своё имя. Она ведь не живая, а значит, правило не нарушено. Но голубые глаза юноши округлились, когда от крашеной древесины стали отделяться тончайшие деревянные пёрышки. Перья проламывали деревянное туловко - на нём появлялись щели. Когда щелей стало слишком много, то во все стороны полетели мелкие щепки. Черные глазки птички заблестели и обрели живость. С лёгким треском раскрылся клюв. Дятел тут же стал выдавливать свои лапки из массивной подставки. Юноша, онемевший от восторга, наблюдал за происходящим чудом.

Спустя несколько минут Пули́
вылетел в окно. Теперь юный мастер
окончательно поверил в то, что
события, произошедшие в храме, были
на самом деле. А это значит, что он
наконец-то сможет создавать что-то
поистине необыкновенное и
прекрасное.